СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Чингиз АЙМАТОВ:

В НИХ ЗЕМЛЮ
С НЕБОМ ПОРОДНИШЬ

Размышления о песнях Расула Гамзатова

В эфире, на телеэкране и в концертах часто звучат песни на стихи Расула Гамзатова. Многие композиторы обращаются к его творчеству. Издательство «Советский композитор» готовит к выпуску сборник песен аварского поэта. Предисловие к сборнику написал Чингиз АЙМАТОВ.

Перечитываю стихи Расула Гамзатова. И вдруг чувствую, что в моей душе прорастает трава мелодии. Все явственней, отчетливей сливаются слова в увлекающем обрамлении потоке музыки. Знакомой и незнакомой. Но ведь где-то же я слышал ее? Несомненно.

Звезда на темном
небосклоне
Вершит последний свой
полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет...

Эти стихи о матери. В них — благоговение, счастье и горечь сына, человека нашедшего в себе силы обратиться к самому дорогому образу на свете, чтобы — пусть задним числом! — принести свою запоздалую любовь на алтарь матери. Не оправдаться, не воспользоваться, потому что это невозможно, но, раскаявшись в невольном небрежении, даже равнодушии, осудить самого себя. Это песня-плач. И в то же время песня-исповедь:

Мне грустно, мама, больно,
мама,
Я пленник глупой суеты...
И моего вниманья мало
Так в жизни чувствовала ты.

Пронзительное, щемящее, беспощадное к себе чувство! Оно обжигает каждого из нас. Оно потрясает своей безыскусственной искренностью и правдивостью. Тем более впечатляющей, что она кажется на первый взгляд столь простой. Но это простота сложности. В ней сокрыта неизбывная и неотразимая — а самое главное! — не могущая быть равноценной материнской любви сыновья. Все мы в долгу перед нашими матерями. В этом я вижу одну из величайших драм человеческого существования. Самозабвенная и бескорыстная любовь матери — что есть на свете более высокого и благородного, чем это чувство? Чувство, требующее истинного целомудрия для его выражения. Оно обязывает нас, детей человеческих, жить по самому строгому и высокому кодексу совести.

Мать — вечная тема поэзии. Невозможно даже представить, сколько прекрасных слов сказано об этом. Но вот Расул нашел новые, необыкновенные слова. Он не побоялся повториться. И оказалось, что его гимн Матери зазвучал в общем резонансе мировой лирики. Это, конечно, произошло потому, что Гамзатов открыл их в своем сердце, сердце поэта и человека, опаленного любовью и нежностью. В том, с какой потрясающей силой он излил свои переживания, — непреодолимая современность искренности в целом. Почему я так думаю? А вот почему: в мире, который становится неизбежно все более рационалистическим, человек невольно начинает стесняться своих чувств, глубочайшего, безоглядного их выражения. Может быть, мы стесняемся показаться наивными или сентиментальными? Расул не стесняется признаться в любви к матери, к женщине, к жизни. И мы благодарны ему за это. Своей поэзией он утверждает величие подлинной человечности как нравственной основы бытия. Он славит Мать как первоисточник и начало всего сущего, как надежду и веру в бессмертие всего человечества.

Да, но откуда все-таки методика, возникшая вдруг? И тут я вспомнил: по телевиде-

нию шла передача о лирике Расула Гамзатова. И там прозвучала эта песня. Или романс? Не берусь определять музыкальный жанр. Но, несомненно, что композитор Азон Фаттах вложил в музыку самые сокровенные свои личные переживания, воспоминания детства. Я почувствовал в ней дыхание вечности, живого, неиссякающего времени, чей лик явился мне запечатленным в кристально чистом звучании невыразимого до того чувства.

Мне неведом секрет рождения музыки, но в данном случае казалось, что она возникла как бы сама собой, вырвалась наружу произвольно из глубины прекрасной поэзии, а композитор только записал ее. Хотя я понимаю, что сила сочинителя музыки должна быть более чем адекватна...

А может быть, тайна гораздо проще или вообще она иная? Такая, как представляет ее сам Расул в стихах, посвященных Мураду Кажлаеву:

Возьми слова мои, и если
В них землю с небом
породнишь,
Они, пожалуй, станут песней,
Взлетев, как птицы
с горских крыш?..

Эту же мысль поэт высказывает в одной из бесед, отвечая на вопрос, какой ему представляется роль композитора, сочиняющего песни? Приведу его слова: «Он подобен мальчишке на птичьем рынке, которому позволено выпускать из клетки любую понравившуюся ему птицу. А хозяин, как ни странно, и сам рад, что может полюбоваться свободным полетом птицы, которую так долго держал в клетке».

Что здесь, по-моему, принципиально важно? Я бы сказал, идея «неба», которое необходимо музыке для полета. Но, добавлю, и идея «птицы», которую композитор мог бы почувствовать в тех или иных стихах. Поэзия Расула воистину крылатая. Она рвется в небесные выси. Рвется сама и увлекает нас, читателей и слушателей, за собой, уносит наше воображение в звездные дали, на вершины гор, а в конечном счете к людям.

Об одной из таких песен — о «Матери» — я уже говорил. И вот узнаю: на эти стихи написана музыка несколькими композиторами. Случай, прямо скажем, не такой уж частый. И тем более примечательный. Конечно, это мое частное мнение, но было бы бесполезно напечатать ноты всех остальных композиторов. Не для сравнения. Но с тем, чтобы узнать, как поразному можно слышать поэтическую мысль Расула, какие разнообразные музыкальные образы способна она вызывать.

Мне лично кажется, характер поэзии Расула определен (впрочем, иначе и не бывает) с первых шагов его творчества, когда он писал:

И я сквозь утреннюю дымку
Мог различить в туманной
мгле,
Как смех и плач сидят
в обнимку
На темной и крутой скале.

Таково его мироощущение. В минуту восторга поэт не забывает о драматизме мира, а в минуту печали сквозь боль и горечь обязательно просвечивает свет дня, будущего. Вероятно, что здесь ключ к музыкальному перевоплощению поэзии в песню.

Кто не знает «Журавлей» Расула Гамзатова и Яна

Френкеля? И, скажу, Бернеса, в чьем исполнении эта песня прозвучала и вошла в сердца многих и многих людей во всем мире. Не утверждаю, но, думается, это одна из лучших песен о войне, о долге живых перед павшими, о человеке вообще. И в то же время опять-таки эта песня — о мире. Прекрасном и единственном, какой у нас есть. О мире, в котором могут жить необыкновенно красивые душой люди, в котором человек может так думать, так видеть, так чувствовать.

Но прежде чем появились «Журавли», Расул создал удивительное восьмистишие, которое, на мой взгляд, явилось предтечей будущей песни:

Парящие над реками
и скатами,
Откуда вы, орлы? Каких
кровей?
Погибло много наших
сыновей,
А мы сердца их, ставшие
крылатыми!
Мерцающие между
зодиаками,
Кто вы: светила в небесах
ночных?
Немало горцев пало
молодых.
Мы — очи тех, кем павшие
оплаканы.

Я хотел бы обратить внимание читателей вот на какое обстоятельство: почему «орлы» обратились в «журавлей»? Да, этот образ возник у поэта в Хиросиме. Этим многое объясняется без каких-либо комментариев. Но не все. «Орлы» — птица, так сказать, оседлая. Она живет не везде. Ее полет ограничен, что ли. Журавлей, вершащих свои великие перелеты над всей землей, может увидеть каждый, кто обращает или, сказать лучше, испытывает потребность обращать свой взор к небесам.

Что из этого следует? «Небеса» поэта постоянно расширяются. И сам он глазами журавлей хочет обозреть всю планету. Мне кажется, в этих стихах и в этой музыке заключены возможности для оперы или оратории.

Журавли — символ бессмертия. И теперь, глядя на них, мы видим в них еще и души солдат, «с кровавых не вернувшихся полей». Это сердечная связь. Это то, о чем сказал поэт в своих стихах, размышляя о природе песни: «в них землю с небом породнишь». И больше того. Мы, люди, едины в этом чувстве. Поэзия роднит наши мысли и сердца, приближая нас к вечности, заставляя пережить и выстрадать ее во времени и пространстве. Собственно, это свойство поэзии Расула в высшей степени олицетворяет суть современного мышления человечества сегодня, с небывалой и невозможной прежде остротой осознавшего свой долг и ответственность перед будущим. Тем более и острее те испытания духа, которым оно подвергается и которые испытывает перед лицом страшной опасности — угрозы мировой катастрофы. Эти мысли приходят ко мне неизбежно, когда я слушаю «Журавлей». В них звучит острая тревога. А ведь в тот момент, когда песня только обрела крылья, этот трагический вопрос — «быть или не быть» — не стоял перед нами с такой непреложной неизбежностью. О чем это говорит? Опять-таки о непреходящей современности настоящей поэзии. Она не только отражает свое время, но в ней проявляется, в нее входит и осмысливает себя история.

Расул создает не песни о любви, то есть на тему. Он поет песню любви. Разница принципиальная. И он сам замечательно сказал об этом:

«Так, Саади, воспевая любовь, спорит со своим временем, с религией, унижающей женщину. Или Хафиз, не соблазнившийся приглашением владык и не оставивший Шираз, свою родину, ни разу в жизни. Разве в этом поступке нищего поэта не крылось глубочайшее презрение к преходящим сокровищам, к земным владыкам, покупающим любовь, толчущим человеческое достоинство, оскорбляющим саму природу? Поэзия утверждала и утверждает как вечные ценности идеи братства, социальной справедливости, мира. И в этом проявляется подлинная гражданственность, как мы сказали бы теперь, Хафиза и Саади. Так, тема любви, казалось бы, безобидно традиционная тема восточной поэзии, явилась в то же время формой резкого социального протеста. Потому что право на любовь предполагает свободу и равенство людей».

Язык любви вечен. Эта мысль в основе лирики Расула Гамзатова, необычайно широкой, пластичной, играющей самыми тонкими и нежными оттенками. И становящейся суровой, полной гордо мужества человека, идущего на трагедию во имя своей любви и любви вообще:

Ну что ж, меня осилить
не трудней,
Чем всех других, которых
вы убили,
Но вам не погубить любви
моей.
Я перед нею даже сам
бессилен.

Кому бросает вызов поэт? Врагам любви. Что поделать, они были всегда и... всегда будут. Должно ли это приводить нас в отчаяние? Нет. Но знать об этом необходимо. Вот почему Расул, воспевая и славя любовь, в то же время сражается за нее:

Воспой любовь, воспой
строкой крылатой.
Но только, друг мой,
помни наперед,
Что в сердце настоящего
солдата
С любовью рядом
ненависть живет.

И еще на эту же тему. Попробую передать суть самой мысли Расула, которая отпечаталась в памяти. Мужчины имеют право драться в двух случаях: за Родину и за прекрасных женщин. То же и поэты — имеешь право браться за перо, чтобы служить родной земле и воспевать женщину. Мать, Жену, Сестру.

Границы любви нужно защищать, как границы Родины, — это тоже слова моего друга Расула.

...Слушая песни о любви на стихи Расула, слушатель, я уверен, обратит свой взор не только к милым прелестьям жизни, у него возникнет неодолимая потребность поднять глаза к звездам, к вершинам:

Когда б мне власть была
дана,
Вершинам всем, являя
разум,
Я даровал бы в мире разом
Любимых женщин имена...
Я матерей бы имена
Присвоил пограничным
рекам...

В честь просветления очей,
Издав указ антивоенный,
Назвал бы звезды во
Вселенной
Я именами дочерей.

Расул Гамзатов обладает такой властью. Это власть поэзии. Любовь сражается за свободу, за мир, за торжество общечеловеческих гуманистических идеалов.

И не сомневаюсь, что песня любви, пропетая Расулом, делает и будет делать людей выше, чище, мужественнее.